

АРТИСТИЧНЫЙ М. Г.*

Впервые познакомиться с Михаилом Григорьевичем Мещеряковым мне довелось где-то в середине 60-х годов, когда я еще был студентом физического факультета МГУ.

Мы с моим другом, тоже студентом-физиком Мишей Савельевым (недавно он внезапно ушел из жизни, будучи уже известным физиком-теоретиком), познакомились с симпатичной девушкой Олей Мещеряковой, которая училась с нами на одном факультете, но была на два курса моложе. Миша ухаживал за Олей, мы вместе бывали в одной компании, и как-то она познакомила нас со своим папой — Михаилом Григорьевичем, который был известным ученым-ядерщиком, одним из создателей международной Дубны. Для нас, молодых студентов-физиков, в то время было почти фантастикой познакомиться с одним из творцов первого крупного ускорителя страны и города науки, который тогда был, может быть, более известен среди населения, чем сейчас: «Девять дней одного года», стихи Вознесенского, Слуцкого, проза Галины Николаевой, Даниила Данина, Михаила Колесникова воспевали физиков-ядерщиков и города науки, хотя такого понятия, как «наукоград», тогда еще не было.

Вспоминая те далекие дни, я всегда думаю, что нам (нашему поколению молодых тогда ученых) фантастически повезло. Романтический ореол вокруг физики воодушевлял нас и в годы студенчества, и в первые годы работы в науке. Этот ореол сохранился в наших душах и по сей день.

А с какими замечательными учеными нам посчастливилось общаться в те годы!

В. С. Фурсов, И. Г. Петровский, Р. В. Хохлов, И. Е. Тамм, М. А. Лентович, Н. Н. Боголюбов, В. Г. Зубов, Д. Д. Иваненко, А. А. Власов, И. К. Кикоин и многие-многие другие — во время учебы в МГУ. Многим из тех, кто попал в Дубну, посчастливилось работать с Н. Н. Боголюбовым, Д. И. Блохинцевым, И. М. Франком, Г. Н. Флеровым, Б. М. Понтекорво, В. П. Джелеповым, В. И. Векслером, М. А. Марковым, А. М. Балдиным, Н. Н. Говоруном, Ф. Л. Шапиро, В. Г. Соловьевым, а позже с ныне здравствующими Д. В. Ширковым,

---

* Михаил Григорьевич Мещеряков: К 90-летию со дня рождения / Под общ. ред. Р. Г. Позе, Е. М. Молчанова. Дубна, 2000. С. 210–213.

А. А. Логуновым, А. Н. Тавхелидзе, В. А. Матвеевым, В. Г. Кадышевским, Ю. Ц. Отанесяном. . .

В плеяде выдающихся ученых Дубны Михаил Григорьевич Мещеряков занимал достойное место не только как крупный физик, но и как человек яркого организаторского таланта, который особенно проявился при создании научной Дубны.

Косвенно мне пришлось узнать о М. Г. (так его часто называли коллеги) даже раньше, чем в студенческие годы. Отец мой, Норайр Мартиросович, будучи в 50–60-е годы заместителем главного ученого секретаря, академиком-секретарем Отделения биологических наук и главным ученым секретарем АН СССР, сотрудничал с М. Г. в годы становления Института ядерных проблем АН СССР и Объединенного института ядерных исследований в Дубне, а муж моей сестры Людмилы профессор Юлиан Арамович Будагов работал с М. Г. бок о бок с начала 50-х годов. М. Г. был личностью, безусловно, яркой, и в 50-е годы о нем по Дубне ходили разные легенды. . . Одна из них, видимо, самая правдивая, что в те годы в дубненском кинотеатре сеанс не начинался, пока не приходил М. Г., для которого специально «держали» целый ряд. . .

Тогда я, конечно, не мог предположить, что в конце 60-х годов попаду в Дубну, а в 70–90-е мне придется довольно тесно общаться с Михаилом Григорьевичем, который тогда был директором созданной им Лаборатории вычислительной техники и автоматизации.

В те годы, как главному ученому секретарю Института, мне довелось достаточно много общаться по разным вопросам с тогдашними руководителями лабораторий, лидерами научных направлений в ОИЯИ. Все они, упомянутые в этом рассказе выше, безусловно, были выдающимися личностями, каждый в своем роде. М. Г. выделялся среди них своей артистичностью. Он довольно ловко мог пародировать других людей, обладал богатой мимикой, «играл» голосом. Всем этим он умело пользовался, чтобы завоевать симпатию аудитории. Причем кстати сказанная им шутка могла разрядить довольно напряженную обстановку во время некоторых директорских совещаний.

Надо сказать, что когда встал вопрос о моем переходе на работу в дирекцию Института, меня, молодого тогда теоретика, это предложение Николая Николаевича Боголюбова несколько озадачило. В дни моих тяжких раздумий (согласитесь, такие перемены в жизни вызывают определенные переживания) в Доме ученых проходил интернациональный вечер, во время которого я оказался рядом с М. Г. Немного выпив, я разоткровенничался и начал советовать с ним насчет предложения перейти в ученые секретари. М. Г. с большим энтузиазмом принялся рассуждать, что «настоящий мужчина не должен бояться перемен в своей жизни. . . что для роста личности следует несколько раз в жизни преодолеть себя и заняться чем-то абсолютно новым, попасть в новую среду. . . Настоящий мужчина от

этого только выигрывает». Этот разговор развеял мои сомнения, и позже я довольно часто вспоминал эти житейские советы М. Г.

Мне приходилось бывать в поездках, на конференциях в одной делегации с М. Г. Его присутствие всегда очень оживляло обстановку. Большой опыт и природный ум позволяли ему находить выход из самых затруднительных положений, в которые могли попадать советские ученые за рубежом.

По возвращении с Международной конференции по физике нейтрино, которая была организована ИЯИ АН СССР в Баксанском ущелье, когда дубненская делегация уже расходилась по домам, М. Г., как всегда артистично, раскланялся, приподняв шляпу, и, обращаясь к более молодым коллегам, изрек: «Прощайте, а если что не так сказал, то простите меня, ста-ри-ка-шеч-ку...» Эта сценка запомнилась мне своей яркостью и необычностью, эксцентричностью...

Память хранит только наиболее яркие эпизоды, и часто припоминаются ситуации с участием М. Г., потому что сам он был, безусловно, человеком ярким.

Многие его поступки и убеждения, наверное, будут не очень понятны молодым людям, которые недавно пришли или завтра придут в науку. М. Г. был носителем черт своей эпохи, которая ушла в прошлое. Об этой противоречивой эпохе можно многое сказать, и нельзя ее рисовать в радужных тонах, но что безусловно — эта эпоха дала нам могучую ядерную науку и технику, а М. Г. был одним из ее создателей: он — участник первых атомных проектов, наблюдатель от СССР на американских ядерных испытаниях, один из создателей Дубны, первого ускорителя (синхроциклотрона), активный исследователь, автор многих работ в области физики ядра и частиц, первопроходец в области автоматизации экспериментальных исследований...

У М. Г. был нелегкий характер. Как мне кажется, он часто подавлял свой внутренний порыв под влиянием внешних обстоятельств (эпоха!) и часто оказывался прав. Мы не всегда соглашались друг с другом (последний раз эти разногласия проявились по вопросу кандидатуры на пост директора ОИЯИ в 1992 г., когда М. Г. выступил сторонником приглашения на этот пост ученого из другого научного центра), но всегда с уважением относились к позиции друг друга и старались переубедить друг друга с помощью аргументов и логики.

В последние свои дни он как бы чувствовал приближение конца, был в подавленном состоянии, лишь изредка у него загорались глаза и он рассказывал какую-нибудь смешную историю. М. Г. вообще был блестящим рассказчиком, что видно, в частности, из оставленных им записок, статей и воспоминаний. Несколько наших с ним последних встреч запомнились мне тем, что М. Г. выражал серьезную озабоченность будущим Института, который он очень любил. Людмила Васильевна, его милая жена, которая ушла из жизни вслед за ним,

говорила ему: «Ты всегда хочешь казаться пессимистом, а в душе ты — оптимист. . . » Это были не самые лучшие годы для российской науки, для нашей международной Дубны. . .

Память о Михаиле Григорьевиче Мещерякове хранят знавшие его люди, его научные труды и ускоритель (который на днях отметил свой полувекковой юбилей), лаборатории Института и город науки Дубна, который раскинулся на берегах любимой им реки Волги. . .

Дубна, 2000 г.